

УДК 81'42

Doi 10.26456/vtfilol/2024.2.249

ГЕНДЕРНАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

О.Д. Цветкова

Тверской государственный университет, г. Тверь

В статье рассматриваются структурно-семантические характеристики и прагматические параметры гендерной, а также эрогенно-геронто-гендерной метафоры, как средства диффамации оппонента в политическом дискурсе. Показана логика и статус этого типа метафоры как инструмента имплицитной оценки оппонента.

Ключевые слова: метафора, политический дискурс, имплицитная оценка.

Одна бумаги рвёт, другой на столе валяется,
третий *истерики* устраивает, про яблони тут рассказывает!
Частный собственник! Все кандидатуры утверждены и согласованы.
Вам что, порядки наши не нравятся?

Э. Рязанов, Э. Брагинский «Гараж»

В кинофильме Э. Рязанова и Э. Брагинского коррупционер и лицемерка, заместитель директора по науке, доктор биологических наук, автор переведенных на французский язык работ по орнитологии Лидия Владимировна Аникеева (актриса И. Савина), блокируя протест исключаемого из гаражно-строительного кооператива «Фауна» Фетисова (актер Г. Бурков), «уничтожает» своего оппонента, сторонника совершенно не-советского принципа частной собственности, прибегая к гендерной метафоре: «...*истерики* устраивает, частный собственник...»

Материалом нашей же статьи является сходная гендерная метафора, реализованная в рамках предвыборной дискуссии в эфире Саратовского филиала ГТРК, в которой принимали участие представитель фракции КПРФ в Саратовской Областной думе, известный блогер и политический деятель Н.Н. Бондаренко, с одной стороны, и представительница фракции «Единой России» Ю. Литневская [3: URL] (в тексте статьи даем указание на минуту и секунды ролика с дискуссией). Предмет дискуссии – работа по поддержке малоимущих семей с детьми, хотя, как это и принято в предвыборных дебатах, герои используют заявленную узкую тему в качестве вектора, позволяющего ввести в дискуссию и иные, актуальные для дискуссанта, темы; для активного защитника интересов жителей Саратова Н. Бондаренко, который агрессивно и напористо вел свою партию, – это финансируемая «Единой Россией» «оптимизация» социальной сферы, строительство мусоросжигающего завода, школьные завтраки и т.д.

Ю. Литневская достаточно эффективно отражала агрессию оппонента, прибегая к целому ряду тактик – это и апелляция к авторитету: «...лозунг нашей партии сформулирован нашим земляком спикером Государственной Думы Вячеславом Викторовичем Володиным» (6: 33–35), и использование богатого арсенала пословиц-поговорок: «Дорогие друзья, есть такая старая как мир поговорка: лучше всего в футбол играет тот кто сидит на заборе» (5: 49–53), и попытка делегитимизировать оппонента, характеризуя его и его однопартийцев с помощью иностранных слов – она называет коммунистов «держателями франшизы» (6: 19). Немногие из слушателей-зрителей программы понимают это слово, но тем сильнее эффект – больше всего боишься именно непонятного, особенно если (в логике «народной этимологии») «франшиза» – это нечто, идущее из Франции, члена НАТО, да еще и нечто шизоидное!

Но самым эффективным, хотя и неявным средством оценки и диффамации оппонента в политическом дискурсе, как показывает избранный материал, можно считать гендерную метафору.

Примеров использования гендерной метафоры в политических дискуссиях, по нашим наблюдениям, немного, поскольку, в целом, политическая деятельность нивелирует гендерные различия участников политического процесса (что, впрочем, варьируется от страны к стране – в зависимости от степени доминирования маскулинных или фемининных ценностей в культуре). Один из характерных примеров использования гендерной метафоры приводит в своем исследовании А.А. Филинский [7]. Анализируя телевизионные дебаты между лидером партии «Яблоко» Г.А. Явлинским и тогдашним вице-премьером А.Б. Чубайсом, исследователь указывает на случай «феминизации» оппонента (приписывание оппоненту женских свойств и качеств). А. Чубайс, парируя обвинения «Яблока», лидер которого, действительно, все эти годы демонстрирует поразительное умение не идти ни на какие действия, кроме попыток (в теории) показать всем и вся, что нужно, и чего не нужно делать, заявляет:

Какая замечательная, прекрасная, блестящая, ничем не пробиваемая позиция! Я ни за что не отвечаю, я все эти годы стоял в стороне и смотрел, я все эти годы вот так указывал: это сделать, то сделать, это неправильно, а тут все провалено. Блестящая позиция, о которой можно только мечтать. Знаете, такой образ чистой, честной, непорочной, неподкупной невесты. С одной проблемой – невесте шестой десяток» [2: URL].

Комментируя слова дискуссанта, А.А. Филинский показывает: «Использование гендерной метафоры обеспечивает семиотическую транспозицию, заложенную в оппозиции “мужское – женское”, которая выступает в роли культурной матрицы отношения к “Другому”. Обозначение “своих” и “чужих” как мужественных или женственных

применяется для имплицитной оценки обоснованности их притязаний на власть» [7: 76].

Дадим два уточнения: такого рода транспозиция «работает» преимущественно в культурах, ориентированных на маскулинные ценности (о том, что в литературе существует взгляд на доминирование в российской культуре именно «патриархальных», маскулинно-ориентированных ценностей, см.: [4: 95–96]). И, второе: структура приведенной метафоры, при ближайшем рассмотрении, оказывается более сложной. В нее включен, сказали бы мы, эрогенный компонент, да еще и со сменой гендерных ролей (терм «невеста» имплицитно подразумевает акт брачной ночи, во время которой роль невесты должен исполнять, вероятно, оппонент Чубайса), а также геронто-компонент (невесте – шестьдесят). Смыслы, «мерцающие» между всеми тремя полюсами «источника» метафоры, достаточно сложны, но и не очень искушенный исследователь увидит в них предпосылки формирования комического эффекта, направленного своим острием на «мишень», на представителя оппозиции. С одной стороны, геронто-эротика – это смешно, особенно в рамках патриархальной культуры, которая, как известно, помимо мужских ценностей, «продвигает» культуру молодости, спортивности, милитаризма и отвергает анти-культуру дряхлости, слабости, физической патологии. С другой стороны, вторгающаяся через эрогенный компонент эрогенно-геронто-гендерной метафоры стихия трансгендерной эротики окончательно дезавуирует политический статус и оппонента, и партии, которую представляет Г.А. Явлинский (более подробно о разрушительной для статуса политики и политика эрогенной метафоре см.: [6]).

Такого рода метафорика как средство диффамации эффективно действует в различных типах дискурса давно. Основным инструментом здесь является форсированная «физиологизация» объекта, физиологическая деталь – либо эротического свойства (да еще и со сменой гендерных статусов), либо подчеркивающая его физиологическую немощь, дряхлость, либо деталь с оттенком патологии, либо, что еще лучше, все вместе. Так, в девятом диалоге «Разговоров богов» Лукиана из Самосаты на пути Посейдона, явившегося к своему брату и господину, Зевсу, встает Гермес и не пускает своего дядю к главному олимпийцу – тот только что родил Диониса и теперь мучается послеродовыми болями [5: 58–59]. «Какая необыкновенная плодовитость, и во всех частях тела!» – иронически восклицает Посейдон, и ирония по отношению к Зевсу есть один из результатов работы механизмов диффамации. В основе этой иронии – система стереотипов, сложившихся в патриархальном мире, ориентированном на маскулинные ценности: отождествить мужчину с женщиной, подвергнутой сексуальной агрессии (иначе откуда ребеночек-то?), да еще страдающей – это ли не диффамация? Кто тут удержится от смеха? А, как

писал А.И. Герцен в статье «О письме, критикующем “Колокол”», «...заставить улыбнуться над Богом Аписом значит расстричь его из священного сана в простые быки...» [1: 190], а политика, лидера парламентской партии превратить в посмешище.

Е.И. Шейгал, одна из первых взявшаяся в нашей стране за аналитику политического дискурса, описывает семантические последствия таких способов речевого поведения, которые в ее терминологии именуется «политические аффективы» [8: 115]. Она приписывает им следующие функции: способность генерировать богатые образные ассоциации, извлекать из памяти яркие картинки прошлого опыта; способность активизировать сильные эмоции, провоцировать желаемую реакцию и тем самым служить сильным мобилизирующим средством; обеспечение быстрой категоризации понятия, его проведение через тот или иной «оценочный фильтр»; способность эффективно и экономно репрезентировать сложные политические реалии, что значительно облегчает процесс коммуникации. Сюда исследовательница относит, прежде всего, коннотированную лексику. Мы бы дополнили данную типологию, внося в нее различные формы метафоризации, в том числе, гендерно фундированной. Оценочный потенциал такого рода метафоризации тем более силен, чем дальше она отстоит от различных форм эксплицированной оценочности, которая в крайних формах проявления может вступить в конфликт с административным и даже уголовным законодательством. Это – скрытое, почти тайное оружие, которое бьет тем сильнее, чем более безобидным выглядит. Все мы хорошо относимся к юмору, к смеху. Но политика и политики не выносят ни смеха, ни юмора.

Вернемся к саратовским депутатам. Парируя тезисы коммуниста Н. Бондаренко, аполог фракции «Единой России» почти незаметно, но очень эффективно наносит своему оппоненту удар (если быть точным, два удара: хороший дискуссант дважды бьет оппонента одним и тем же оружием – чтобы наверняка!):

... (перед нами человек), и люди находящиеся во власти, имевший мандат депутата, то есть, возможность совершенствовать законы, но предпочитающий **биться в истерике**, сидя на заборе... (5: 58 - 6:05)

И двумя минутами позже:

...очень **истерично** сейчас мой оппонент, **непонятно, в чем истерика**, опять же пытался, рассчитывая на темных и дремучих, перевернуть все с ног на голову, но... (8: 09 - 8:17)

На первый взгляд, достаточно безобидная квалификация оппонента. Ну и что же, что истеричен? Это же не обсценизм, не прямое оскорбление! Но тем и эффективнее оружие! Имплицируемая диффамация бьет вернее, и она – для агента диффамации – абсолютно безопасна!

Структурно-семантический анализ используемой в данном случае метафоры, конечно же, предполагает раскрытие того условия (condition), с позиций которого происходит удар по цели (target). Истерика (производное от *истерия*, которое восходит к др-греческому ἰστέρα – *матка*) – преимущественно женское психическое расстройство, связанное, как полагали в донаучную эпоху существования медицины, когда и возник этот термин, с блужданием матки по организму. И хотя впоследствии, при диагностировании диссоциативных психических расстройств, этот термин стали применять и в отношении мужчин, истерия среди последних констатировалась в двадцать раз реже, чем истерия у женщин, отчего данный термин ассоциируется, прежде всего, с психическими расстройствами, характерными для последних. В настоящее время, однако, истерия исключена их Международной классификации болезней (МКБ – 10) как «стигматизирующая женщин», а ее симптоматика была перераспределена между целой серией психических расстройств [9: 139].

Для коммуниста же квалификация «истеричка» убийственна – именно потому, что имплицитно базирует базовые семы гендерной метафоры – феминность объекта диффамации (с подразумеваемой семой направленной на него сексуальной агрессии) и, соответственно, сему патологии, которая в рамках патриархальной культуры, по определению, несет в себе пейоративность.

Осознанно ли представитель (или, все же представительница?) партии «Единая Россия» использовала данное оружие против своего политического оппонента? Знала ли она этимологию слова *истерия*? Вряд ли. Она же не доктор биологии из фильма «Гараж»! Но оттого, что исповедуемые нами стереотипы нами же, как правило, не осознаются, они не становятся менее эффективными в качестве средства организации коммуникации.

Список литературы

1. Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. М.: Издательство Академии наук СССР. Т. 13, 1958. 684 с.
2. Глас народа («НТВ») 26.11.1999 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VYZ7pUMzUJg> (Дата обращения: 28.03.2024)
3. Дебаты URL: <https://yandex.ru/video/preview/9651112611508063536> (Дата обращения: 28.03.2024)
4. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.: РОССПЭН, 2004. 252 с.
5. Лукиан. Избранное. М.: Художественная литература, 1987. 624 с.
6. Миловидов В.А., Соловьева А.С. Семиотика скандала // Критика и семиотика. Вып. 10, 2006. С. 186–191.

7. Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг.: дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, Тверской государственной университет, 2002. 144 с.
8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена. 2000. 368 с.
9. Shorter E. A Historical Dictionary of Psychiatry. Oxford: Oxford University Press, 2005. 337 p.

Об авторе:

ЦВЕТКОВА Ольга Дмитриевна – аспирантка кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: tsvolga@bk.ru

GENDER METAPHOR IN POLITICAL DISCOURSE

O.D. Tsvetkova

Tver State University, Tver

The article deals with structural and semantic characteristics and pragmatics of the gender, as well as gender-geronto-erogenous metaphor, which serve as a means of defamation in the political discourse. The logics and the status of this kind of metaphor in the process of implicit evaluation of the opponent are shown.

Keywords: *metaphor, political discourse, implicit evaluation.*

About the Author:

TSVETKOVA Olga D. – postgraduate student, Department of Theory of Language, Translation and French Philology, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova 33), e-mail: tsvolga@bk.ru

Статья поступила в редакцию 20.03.24
Подписана в печать 07.04.24

© Цветкова О.Д. 2024